

Григорий Георгиевич Белых

Дом веселых нищих

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-053.2

ББК 84-4

Григорий Георгиевич Белых

Дом веселых нищих / Григорий Георгиевич Белых – М.: Книга по Требованию, 2011. – 140 с.

ISBN 978-5-4241-1660-5

Григорий Георгиевич Белых (1906—1938) — русский советский писатель, соавтор книги «Республика Шкид», в которой описан его личный опыт жизни в интернате для трудных детей.

ISBN 978-5-4241-1660-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Григорий Георгиевич Белых
Дом веселых нищих

«САЛАМАНДРА» — ШАЙКА УДАЛЬЦОВ

ДОМ ВЕСЕЛЫХ НИЩИХ

Это был такой огромный домина, что если пройти по проспекту, посмотреть на другие здания, то просто смешно становилось от сравнения, как будто стояли вокруг не дома, а скворечники какие-нибудь или будки собачьи.

Говорили, что, когда строили этот дом, даже кирпича не хватило, и оттого подорожал он на четвертак за сотню.

А строили его потому, что будто бы домовладелец Халюстин поспорил со своим приятелем, домовладельцем Бутылкиным, кто выше построит.

Халюстин место откупил, приказал до шести этажей возводить. А когда фундамент закладывали, молебен отслужил и сам на углу по золотой десятке замазал.

Бутылкин, узнав, что дом Халюстина в шесть этажей, стал строить на семь. Но только не повезло ему. То ли инженеры были плохие, то ли кирпич оказался никудышный, но, когда возвели стены до пятого этажа, а Бутылкин приехал осматривать кладку, рухнул дом, похоронив под развалинами десятки рабочих и самого Бутылкина.

Халюстин выиграл спор. Достроил свой шестизэтажный дом и переехал в него, сдав все флигеля внаем.

Был дом как город. Выходил на три улицы. Одних окон на наружном фасаде до семисот штук было. А вывесок разных, больших и малых и очень маленьких, — как заплаток на старом халате.

На углу, над парикмахерской, висела зловещая черная рука с длинным указательным пальцем. Рядом качался деревянный калач с облесшей позолотой. Около булочной важно выпятился желтый, как попугай, почтовый ящик.

Дальше расположились: бакалейная лавка, парфюмерный магазин и «часовая мастерская Абрама Эфройкина», в единственном окне которой вечно торчала лохматая голова самого Эфройкина.

За мастерской следовали: табачный магазин — голубая вывеска, колбасная — черная с золотом и, наконец, вывеска сапожника мастерской ярко оранжевого цвета.

Буквы на ней были неровные, с замысловатыми хвостиками. Издали казалось, что они, построившись в ряд, подплясывают. Но все же можно было без труда прочесть:

ПОЧИНЩИК ОБУВИ

К. П. ХУДОНОГАЙ

А в окне мастерской висел тетрадный лист бумаги, приклеенный к стеклу хлебным мякишем, и на листе крупно чернилами намалевано:

Здесь в починку принимают,

На заказ прекрасно шьют,

В срок работу выполняют

И недорого берут.

Сапоги, штиблеты, боты,
Туфли модные для дам,
Нет нигде прочней работы —
Это всякий скажет вам.

Так выглядел дом снаружи.

Внутри, если войти с улицы, был маленький полутемный дворик. Двор этот назывался «господский». Здесь всегда было чисто и стояла особенная чинная тишина. Даже тряпичнику тут не удавалось затянуть свое унылое «костей-тряп»: дворники тотчас же прогоняли его.

Здесь жил и сам домовладелец Халюстин с семьей, хозяин щелочной мастерской Хольм и еще какие-то важные господа.

Второй двор жители дома окрестили «курортом». В середине тут был разбит скверик, а по краям поставлены скамейки.

На третьем дворе, вернее — на задворках, в стороне от каменного великана, стоял двухэтажный почерневший от старости деревянный дом, который с незапамятных времен носил звучное имя «Смурыгин дворец».

Задворки были самой населенной и самой шумной частью дома.

Во втором этаже ругались портные, внизу, в кузнице, гремели молотами кузнецы, пели женщины, стиравшие белье в прачечной, и дробно трещали станки в сеточной.

Будни и праздники здесь были одинаково шумны. За этот шум брючники из соседнего рынка и окрестили дом «домом веселых нищих».

Кличка пристала. Скоро даже в участке, допрашивая пьяного подмастерья, околоточный не раз, махнув рукой, говаривал:

— Бросьте в камеру проспать. Верно, из дома веселых нищих.

УТРО В «СМУРЫГИНОМ ДВОРЦЕ»

В стене была дыра. Чтобы не разводить клопов, дыру заклеили старой географической картой. Карта пришлась как раз над сундуком, на котором спят Роман с братом.

Утром, проснувшись, Роман долго рассматривал диковинные линии, сплетающиеся и расходящиеся по бумаге. Линии похожи на спутанную грудку черных ниток. Петербург поместился на пальце уродливого голубого человечка, стоящего на коленях. Этот голубой человечек — море, а Петербург — крошечное кольцо, надетое на голубой палец.

Роман как будто невзначай задевает брата и выжидающе замирает. Колька перестает похрапывать, ворочается, открывает глаза, потягивается, зевает. Роман неожиданно толкает его в бок. Колька вздрагивает. г[

— Тьфу! Ты уже не спишь?

— Не сплю, — говорит Роман. — Давай играть в Наполеона.

— Давай, — говорит Колька. Он достает из-под подушки карандаш, перебирается через Романа к стене.

— А ты помнишь, что я вчера рассказывал?

— Помню, — говорит Роман. — Наполеона в плен взяли.

— То-то... Так вот, взяли его в плен и посадили в тюрьму на остров Корсику. Колька показывает карандашом на маленькую розовую сосульку.

— Это и есть остров Корсика. Но Наполеон, недолго думая, удрал. Собрал

своих гренадеров и пошел на Париж.

Раз-раз! Колькин карандаш быстро ставит крестики на взятых Наполеоном городах, но, не добравшись до Парижа, останавливается.

— Тут его опять разбили.

— А он?

— А он опять.

— А его?

— Опять... А остальное узнаешь завтра. Колька, смеясь, подтягивает Романа к себе и щелкает по лбу.

Роман, взвизгнув, кидается на брата с кулаками. Колька пыхтит, отбивается и вдруг спихивает Романа с кровати. Роман летит на пол. Колька хохочет. За занавеской, отделяющей угол комнаты, раздается кашель и бормотанье.

Времени — часов десять утра. В квартире просыпаются лениво. Сегодня воскресенье.

Мать встала и уже гремит самоваром на кухне. У противоположной стены спит старший брат Александр, а на сундуке в углу под иконами — сестра Ася.

За стеклянной перегородкой в темной прихожей начинается глухая возня. Слышен скрип кровати, кашель, вздохи. Потом раздается голос деда:

— Даша!

Ответа нет.

— А, Даша, — пристает дед. — Даша...

— А, чтоб тебя! Ну что? — отзывается бабушка.

— Да я так. Вставать или еще поспим?

— Спи ты. Спи.

— Да уж, кажется, выспался. Чего же лежать-то?

Бабушке еще хочется спать, но дед проснулся окончательно. Он зеваает и крестит рот.

— О-о господи, господи. Пойти разве тележку смазать. Да ноги чего-то болят. Должно быть, натрудил. Третьего дня Хольмин говорит: «Свези заказ на Гагаринскую...» Слышишь, Даша, а?

— Слышу.

— На Гагаринскую. Чума ж его возьми!

Дед замолкает. Долго кряхтит, почесывается, потом опять раздумывает вслух:

— Или смазать пойти тележку-то... или полежать?

— Да лежи ты, неугомонный! — в сердцах вскрикивает бабушка.

Квартира наполняется звуками. Хлопает дверь в соседней квартире, где живет хозяин кузницы Гулятьев. Кто-то, стуча каблуками, скатывается вниз по лестнице. В первом этаже робко хрюкает гармоника.

Толкнув дверь ногой, в комнату входит мать. В руках у нее весело фыркает ярко начищенный самовар.

— Вставайте, лежебоки, — громко говорит она. — Самовар на столе.

Поставив самовар, она подходит к Роману. Улыбаясь, щекочет его, хлопает по губам вкусно пахнущим, испеченным из теста жаворонком и нараспев говорит:

— Чивиль-виль-виль, великий пост — жаворонок на хвосте принес.

Роман воеет от восторга и дрыгает ногами. Сегодня девятое марта. Жаворонки прилетели.

Кое-как ополоснув и вытерев лицо, Роман торопится к столу. Перекрестив-

шись, садится и, потягивая с блюдца чай, исподлобья осматривает всех. Александр пьет нехотя. У него мрачный вид, — кажется, не выспался. Длинный нос вытянулся еще больше. Опять будет брюзжать целый день. Сестра Аська лениво жует булку и украдкой читает книгу, которая лежит у нее на коленях.

Один Колька весел и подмигивает Роману. Он исподтишка щелкает его, а сам, как ни в чем не бывало, обращается к Александру:

— Играл вчера?

— Да

— Где?

— В офицерском собрании. Танцы.

Роман жадно вслушивается. Колька и Александр — музыканты. На корнетах играют. Пять лет учились в кантонистах. Но Колька музыку бросил, служит в банке курьером, а Александр продолжает заниматься и играет в военном оркестре.

Роман мечтает тоже быть музыкантом. После чая сестра усаживается с книгой к окну.

— Слетай за газетой, — говорит Александр и дает Роману пятак.

Роман стрелой выскакивает на лестницу.

Во дворе уже начинается жизнь. На кузнечном круге сидят мастеровые из кузницы. На них чистые рубахи.

Мастеровые курят, степенно разговаривают. Сейчас еще все трезвые.

Во втором этаже каменного флигеля, где живут портные, уже слышны возбужденные голоса.

У лестницы стоит дед. В руках у него бутылка с касторовым маслом. Он неторопливо, гусиным пером, смазывает свои грубые, солдатские сапоги.

— Ромашка, куда? — Это Женька Гулятьев, сын кузнеца, орет, высунувшись из окна.

— За газетой.

— И я с тобой.

Через секунду Женька выскакивает во двор. На нем новый синий костюмчик с блестящими пуговицами. Толстый горбатый Женькин нос гордо сияет. Женька для того и выбежал, чтобы похвастать костюмом.

— Ничего себе, — говорит Роман, осторожно ощупывая костюм. — Пуговицы красивые.

По дороге Женька, захлебываясь, рассказывает новости:

— Андреехе голову разбили. С повязкой ходит...

— Кто разбил?

— А неизвестно.

— Надо дознаться.

— А как насчет того? — таинственно спрашивает Женька.

— Слежу все время. А ты?

— И я слежу. Вчера на пушках собирались, о чем-то сговаривались. Твой Колька был, Андрееха. Я хотел подслушать, да прогнали.

— Ладно, узнаем.

— Гулять выйдешь?

— Нет, — говорит Роман, — у нас сегодня гости.

Роман торопится домой. Уже на лестнице слышит, как заливаются корнеты

братьев. Это Колька по старой памяти играет с братом.

На кухне что-то шипит. Бабушка, засучив рукава, сбивает в большом горшке тесто. По квартире разносится острый и вкусный запах.

Луч света, заглянув в окно, скользнул в угол и вспыхнул на мрачных позолоченных киотах.

— Надо на две четверти, — говорит Александр. — Тут фа-диез.

КОЛЬКА ТОЧИТ КИНЖАЛ

Мать ушла на целый день в прачечную. Колька на службе, в банке. Сестра еще не возвращалась из школы. Бабушка и дед на работе. Бабушка служила в свечной мастерской, где-то на Васильевском острове, дед — в щелочной мастерской, в этом же доме. Позже всех, уложив корнет в футляр, ушел на репетицию Александр.

Роман остался один.

Сперва он разбирал папиросные коробочки. Обламывал края, а карточки раскладывал пачками. В карточки ребята играли, как в фантики. Нижние стенки коробок стоили очень дешево, верхние же крышки были «пятерками», «десятками», а если с особенно красивым рисунком, то и «стошками».

Рассортировав карточки и убрав их, Роман открыл форточку и стал смотреть на двор.

Хорошо на дворе. Солнце щедро поливает землю теплыми лучами. Воздух звенит от крика, стука и смеха. Горло щекочет дым и пар. Это в щелочной мастерской сегодня варят щелок. Рабочие перед открытыми окнами месят большими совками серую жидкую массу, разлитую по ящикам.

Из прачечной доносится надрывное пение прачек:

Хороша я, хороша,
Да бедно одета,
Никто замуж не берет
Девушку за это...

Роман загляделся на небо, по-новому синее, словно выстиранное, с редкими ярко-белыми облачками.

— Ромашка! Выходи! Под окном Женька.

— Нельзя мне.

— Ненадолго. Никто не узнает.

По лестнице скатиться вниз — одна минута. Взявшись за руки, ребята бегут к сеновалу.

В сарае полумрак. Сквозь дощатые стенки пробиваются золотые иглы солнечных лучей.

На сене развалились Васька Трифонов, Степка — сын почтальона, два брата Спиридоновы — Серега и Шурка, Павлушка Чемодан и Пеца — сын сапожника Худоногая. У Пецы настоящее имя Петька, но он не выговаривает букву «т», и, когда называет свое имя, получается «Пецка». Его и прозвали Пецей.

— Ну? — спрашивает Роман.

— Степка, говори! Степка знает! — загалдели ребята.

Степка вытер нос.

— Гулял я вчера около дома, фантики собирал. Подхожу к церковному саду — смотрю, наши ребята стоят: Андряха, Наркис, Капешка, Зубастик и еще какие-

то.

— Ну и что?

— Ну и разговаривают.

— О чем?

— А я не слышал.

— Дурак. Надо было подслушать, — сказал Шурка Спиридонов. — А дальше?

— А потом они пошли на Забалканский.

— Ну и что?

— А я не знаю, я домой пошел...

— Трепло ты, — сказал Роман. — Испугался за ними пойти.

— А ты бы взял да пошел, да узнал.

— И узнаю, — сказал Роман.

Посидели немного, помолчали.

— Батька новые стишки написал, — сказал вдруг Пеца. — Пойдемте к нему...

— Стишки слушать пошли! — закричали ребята, и один за другим стали выскакивать из сарая.

Кузьма Прохорыч Худоногай был сапожник. Об этом ясно свидетельствовали вывеска над окнами и множество сапог разных размеров и фасонов, наваленных грудками в комнате.

Но это обстоятельство не мешало Кузьме Прохорычу заниматься и стихами.

— Стихи у меня простые, — говорил обычно Худоногай. — Про явления природы, о тяжелой жизни нашего брата-мастерового и личные, из своей биографии.

Кузьма Прохорыч натягивал на колодку ботинок, когда ребята ворвались к нему. Криком и смехом наполнилась комната. Кузьма Прохорыч зажал уши, с притворным испугом глядя на ребят.

— Здравствуйте, Кузьма Прохорыч! — кричали ребята, перебивая друг друга. — Мы посидеть пришли.

Кузьма Прохорыч замахал руками и зашипел:

— Тише, саранча! Что вам надо?

— Мы так просто.

— Навестить... Можно?

— Да сидите уж, только тише, а то услышит жена, она вам задаст.

— А ее дома нет, — сказал лукаво Пеца. — Врет батька.

— Дома нет! Обманули нас! — закричали ребята.

Кузьма Прохорыч, вздохнув, покачал головой.

— Ну ладно! Видно, не проведешь вас.

Он повернул колодку, зажал ее между колен и стал стучать молотком, не обращая внимания на ребят. Некоторое время ребята сидели тихо, переглядывались и подталкивали друг друга. Потом кто-то кашлянул. Прохорыч поднял голову.

— Насиделись?

— Да так скучно.

— А что же вам?

— Стишки почитай нам, — сказал Пеца.

— Почитайте стишки! — закричали ребята. — У вас, наверно, новые есть!

— Некогда мне! Работать надо, — сказал Кузьма Прохорыч сердито.

Но ребята так настойчиво упрашивали, что наконец он, махнув рукой, открыл

ящик стола. На свет появилась тетрадь в переплете.

— Ладно, прочту, — сказал Кузьма Прохорыч. — Только, как кончу, сразу уходите, а то жена застанет — и вам и мне попадет.

— Уйдем, сразу уйдем!

Кузьма Прохорыч развернул тетрадь.

— Что же вам прочитать?

— Новенькое что-нибудь.

— Новенькое?... Про весну разве? Как в деревне она бывает.

— Читайте, читайте про весну! — загалдели ребята.

Кузьма Прохорыч откашлялся и надел на нос очки. Ребята затихли.

Вода заструилась кругом.

Подснежник явился цветок.

Мне в душу повеяло волей.

О, как все весной хорошо!

И ветер просторно бушует.

Кузьма Прохорыч кончил и поглядел на ребят.

— Еще прочтите! Мало! — закричали все. — Подлиннее какое-нибудь. Побольше... Повеселее!

— Нету у меня больше.

— Нет, есть!.. Есть!.. Пеца знает!.. Ребята не отставали.

— Так и быть, — улыбаясь, согласился Прохорыч. — Только теперь печальные стихи будут. Про свою жизнь.

Опять замолкли ребята. Кузьма Прохорыч читал:

Эх ты, горяшко, горе мое,

Страданье слепое.

Никогда я не вижу

Счастливого светлого дня.

Разве можно сказать

Жизнь хорошая моя.

— Мамка идет! — вскрикнул вдруг Пеца, глядя в окно.

Всполошились ребята. Кинулись в двери, давя друг друга, а Прохорыч, швырнув тетрадь в ящик стола, торопливо стал ковырять ботинок.

Литературный вечер окончился.

Колька был большой. Он уже курил. Даже сам папиросы покупал и, конечно, с такой мелкотой, как Женька или Роман, не водился.

Но разные штучки для малышей придумывал охотно.

Научил ребят стрелять спичками из ключа. Показал, как делать лягушку, чтоб хлопала, прыгала и шипела, а однажды придумал новую игру — «забастовщики».

Случилось это так.

Играли ребята в «казаки-разбойники». Те, которые были разбойники, полезли в подвал прятаться. Забрались в самый темный угол. Вдруг кто-то кричит:

— Нашел!

— Чего нашел?

— Не знаю чего. Книги какие-то.

И правда, лежат в углу какие-то книги, целая кипа, веревкой перевязаны, а сверху разными тряпками завалены.

Подтащили кипу поближе к окну, развязали. Ничего особенного. Книги разные, в серых, коричневых переплетах, без картинок, а некоторые не разрезаны даже.

Стали ребята из этих книг кораблики да стрелы делать, а Роман несколько книг домой принес. Кольке показал. Колька посмотрел, прочитал немного и спрашивает:

— Где взял?

— В подвале.

Пошел Колька в подвал и все книги к себе перетащил, а ребятам велел молчать.

— Если дворник узнает, попадет здорово, потому что эти книги про забастовщиков.

Стали ребята просить Кольку, чтобы объяснил он, кто такие забастовщики.

— Забастовщики — это рабочие, — сказал Колька и рассказал, как в девятьсот первом году рабочие с красными флагами к царю ходили и как городовые и казаки в них стреляли. Ребята из этого игру сочинили.

Едва только ребята появились во дворе и заорали:

Вставай, поднимайся, рабочий народ... как начался страшный переполох.

Из окна высунулись жильцы, из конторы выскочили старший дворник, управляющий и младшие дворники с метлами.

Ребята разбежались. Некоторые же попались и получили основательную трепку.

Но последнее время Колька никаких занимательных шуточек не показывал. Он ходил важный, задумчивый и совсем не замечал Романа.

Кольку уже несколько раз видели с большими парнями. Он принимал участие в их таинственных совещаниях.

А дома все картинки рисовал, и все одно и то же — кинжал в сердце, а вокруг змея извивается.

«Неспроста это», — решил Роман.

Однажды Роман увидел: у Кольки на правой руке указательный палец тряпкой перевязан. Колька подолгу глядит на тряпочную култышку и будто любит ее.

— Почему у тебя палец перевязан? — спросил Роман.

— Порезал.

— А где?

— На гвозде, на девятой полке, где дерутся волки, — хмуро огрызнулся брат.

И читать начал много Колька, а книжки, которые читал, в свой сундучок прятал.

Было над чем задуматься.

Этой ночью Роман долго не мог уснуть. В квартире все спали. Колька рядом лежал, мирно похрапывал, а Роман все думал.

Вдруг Колька зашевелился и поднял голову. Роман зажмурился, прикидываясь спящим, а сам одним глазом посматривал.

Колька тихонько натянул брюки, вытащил что-то из сундучка и вышел во двор.

С бьющимся сердцем вскочил Роман и, напялив штанишки, на цыпочках пошел за братом.

Видит — сидит Колька на кузнечном кругу и что-то точит.

Притаился Роман. Колька точит, напильником шурухает осторожно, иногда останавливается, что-то вертит в руке... Песню замурлыкает — незнакомая